

RU

## Благотворительность как ресурс развития и смягчения социальных размежеваний

Сигачев М. И., Бардин А. Л.

**Аннотация.** Цель исследования - концептуализация феномена благотворительности как фактора, способствующего смягчению социальных размежеваний, в контексте актуальных общественно-политических трансформаций. Предпринята попытка проанализировать процесс институционализации филантропии как в контексте региональных особенностей отдельных стран, так и в рамках глобальных процессов социальной трансформации современного мироустройства. Научная новизна исследования заключается в том, что в статье дается авторская четырехчастная классификация типов благотворительности. Выделяются следующие четыре типа благотворительной деятельности: гражданская, корпоративная, государственная и церковная, обозначаемые с помощью введенных в оборот концептов: благотворительный солидаризм, благотворительный корпоративизм, благотворительный этатизм и благотворительный клерикализм. В результате авторы делают вывод о том, что социальная «филантропизация» отражает фундаментальные изменения в структуре современного социума, связанные с кризисом социального государства и капитализма, который ведет к росту социального неравенства и углублению общественных размежеваний.

EN

## Charity as a Resource for Development and Mitigation of Social Divisions

Sigachev M. I., Bardin A. L.

**Abstract.** The study aims to conceptualise the phenomenon of charity as a factor contributing to mitigation of social divisions in the context of current socio-political transformations. The researchers attempt to analyse the process of philanthropy institutionalisation both in the context of regional features peculiar to individual countries and in the frame of global social transformation processes of today's world order. The study is novel in that it presents the authors' four-part classification of charity types. The following four types of charity are distinguished: civic charity, corporate charity, state charity and church charity, specified by such concepts introduced into use as charity solidarism, charity corporatism, charity statism and charity clericalism. As a result, the researchers conclude that social "philanthropisation" reflects fundamental changes in the structure of contemporary society associated with the crisis of the social state and capitalism, which leads to an increase in social inequality and further social divisions.

### Введение

В условиях углубления социально-экономических размежеваний и обострения глобальных вызовов растет запрос на модели развития и механизмы, позволяющие компенсировать несостоятельность или низкую эффективность государственной политики. Практики благотворительности традиционно выступают одним из таких механизмов, важным ресурсом развития и источником социальных инноваций – который, однако, далеко не всегда корректно задействуется и поддерживается государством. Настоящий текст имеет своей целью на базе системного и сравнительного анализа обозначить ключевые составляющие эволюции феномена благотворительности через призму его социально-философских оснований и политического контекста и очертить потенциал благотворительности как ресурса развития и борьбы с кризисами. Актуальность и практическая значимость исследования заключаются в систематизации научного знания о роли благотворительности в контексте глобальной социальной перестройки, а также в формулировании выводов, которые призывают государственные структуры уделять особое внимание поддержке благотворительных практик и в целом механизмов, способствующих укреплению гражданской солидарности.

## Основная часть

Первый подход, дающий расширительную трактовку феномена благотворительности, имеет смысл обозначить в качестве этикоцентричного, поскольку в его рамках акцент делается на морально-нравственном аспекте благотворительной деятельности. Ключевым критерием этики благотворительности здесь выступает безвозмездность, бескорыстность и добровольность оказываемой помощи. Яркой иллюстрацией этикоцентричного подхода служит определение данного понятия в большой энциклопедии Брокгауза и Ефрона, включающее в себя, кроме того, примечательное, хотя и спорное утверждение касательно исторического контекста формирования интересующего нас феномена: «Благотворительность как проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему была совершенно чужда классической древности» ([http://slovoonline.ru/slovar\\_brogefron/b-13/id-590/blagotvoritelnost.html](http://slovoonline.ru/slovar_brogefron/b-13/id-590/blagotvoritelnost.html)). Сходной позиции придерживаются авторы англоязычной словарной статьи в энциклопедии Britannica, подчеркивающие, что благотворительность – это христианский концепт, воплощающий в христианской мысли высшую форму любви, означающую взаимную любовь между Богом и человеком, которая проявляется в бескорыстной любви к ближнему (<https://www.britannica.com/topic/charity-Christian-concept>).

Расширительная трактовка в рамках этикоцентричного подхода позволяет говорить не только об общественной, но и о государственной благотворительности. Именно такого мнения придерживался немецкий экономист и социолог Густав Шмоллер: «Современная благотворительность может быть охарактеризована как крупный экономический и правовой институт, представляющий собой совокупность частью государственных, частью общественных учреждений, имеющих целью предохранить обедневших людей от крайней нужды посредством вспомоществований, не требуя ничего взамен последним. Помощь – нравственная обязанность общества» (Цит. по: Фирсов, 1992, с. 52).

Существует и более узкий подход к благотворительности, делающий акцент на том, что отличительной чертой рассматриваемого феномена является его негосударственный, общественный и частный характер. Данный подход можно охарактеризовать в качестве антиэтатистского или либерального. Так, российские социологи Э. А. Фомин и Е. З. Чикадзе (1999) определяют благотворительность как «негосударственную добровольную безвозмездную деятельность в социальной сфере, направленную на поддержку отдельных лиц или организаций, у которых по тем или иным причинам не хватает ресурсов для полноценного функционирования» (с. 7). Внутри этого подхода к благотворительности можно выделить еще два типа в зависимости от субъекта: гражданская благотворительность (для субъектов гражданского общества) и корпоративная благотворительность (для корпораций).

Представляется важным также провести различия между терминами «благотворительность» и «филантропия». Понятие «филантропия», возникшее в античной Элладе, обозначало одновременно любовь богов к человеческому роду и любовь к человечеству со стороны самих людей. С одной стороны, эти термины можно рассматривать в качестве синонимов. С другой стороны, усиливающееся в рамках современной благотворительности экологическое направление, связанное с защитой окружающей среды, относится к сфере благотворительной деятельности, однако термин «филантропия» на добровольную, безвозмездную и бескорыстную природоохранную деятельность уже не распространяется.

Упрощенно историческое развитие феномена благотворительности на Западе и в России можно представить в качестве схемы, основанной на метафоре дерева. Корнями «родословного дерева» благотворительности является греко-римская античность, «стволом» – христианство, а «ветвями» – русская и европейская благотворительные традиции. От последней, в свою очередь, уже в Новое время отделяется американская ветвь. Кроме того, с возникновением «незавершенного проекта Модерн», по выражению немецкого философа Юргена Хабермаса (1992), и формированием наций-государств на европейской ветви дерева благотворительности начинают появляться «листья» – национальные традиции благотворительной деятельности.

Античные корни общей для Европы и России благотворительной традиции разбираются историками благотворительности Джеймсом Аленом Смитом и Карстеном Боргманом (2006), прочертившими исторический путь благотворительности от Древней Греции к Древнему Риму, а затем к европейскому Средневековью. Именно в греческих полисах возникли первые «благотворительные организации» – странноприимные братства, занимавшиеся сбором средств на филантропическую деятельность, а также оформились первые благотворительные учреждения – возникавшие при храмах приюты, больницы и странноприимные дома, продолжившие в дальнейшем свое становление на более поздних этапах развития филантропии. Исследователи указывают на тесную связь благотворительности с религией как на ключевую особенность бытования данного феномена в Древней Греции. Таким образом, можно сделать вывод, что древнейшей формой благотворительной деятельности является религиозная, церковная благотворительность.

С утверждением христианства в эпоху европейского Средневековья для обозначения благотворительности стало использоваться понятие *caritas*, отсылавшее к христианскому учению о любви. Христианство утвердило в сознании верующих мысль, что их главный нравственный долг заключается в бескорыстной раздаче милостыни. Средневековый период в развитии европейской благотворительности характеризуется тем, что филантропия получила «вертикальный» характер, превратившись в способ служения Богу. Функции благотворительной деятельности взяли на себя в первую очередь монастыри. Они использовали имеющиеся в распоряжении средства с целью оказания помощи нуждающимся, раздачи милостыни, предоставления приюта путникам и больным.

Европейское Новое время характеризовалось интенсивным реформированием и перестройкой благотворительных учреждений, суть которой заключалась в секуляризации благотворительности. Обмирщение филантропии в странах Европы выражалось в том, что благотворительная деятельность все больше переходила из ведения церкви под государственное регулирование и контроль. Помимо секуляризации, другой важной чертой реформ благотворительности в Новое время стала национализация филантропии и появление национальных систем благотворительной деятельности.

Начиная с XIV в. происходила реформа благотворительности в католической Италии. Отличительной особенностью итальянских городов являлось то, что городские и церковные власти были готовы идти на активное сотрудничество друг с другом.

В Англии, в отличие от Италии, реформы филантропии приняли намного более радикально светский характер вследствие закрытия монастырей в 1530 г. Английская благотворительность была поставлена под жесткий контроль муниципалитетов и верховной власти.

Во Франции определяющее влияние на развитие филантропии оказал абсолютизм, благодаря которому сформировалась французская традиция доминирующего влияния государства в сфере благотворительности, сохранившаяся и после Великой французской революции, приобретя дополнительную антицерковную направленность.

Более гармонично реформы благотворительности проходили в скандинавских странах, в которых установились отношения сотрудничества между церковью и государством в области филантропии.

Таким образом, с началом возникновения наций-государств на территории Европы можно уже говорить об отдельных национальных благотворительных традициях – «листьях» на европейской «ветви» благотворительности.

Если западно-христианская традиция стала фундаментом для развития филантропии в Западной Европе, то у основания русской «ветви» благотворительности находится восточно-христианская (византийская) традиция, поскольку через историю Византии и государственно-православной культуры (Восточной Римской империи) античная благотворительная традиция перешла и на русские земли, претерпев ряд изменений.

Отличительной особенностью русской традиции благотворительности, на наш взгляд, является способность органично совмещать государственные, церковные и общественные начала. Вплоть до эпохи Петра I ведущую роль в благотворительности играла Русская православная церковь, что было обусловлено религиозной мотивацией филантропии. Вместе с тем нельзя не отметить, что развитие феномена русской благотворительности может объясняться не только церковной, но и государственной деятельностью. В начале XVIII в. благодаря петровским реформам начали интенсифицироваться процессы государственно ориентированной систематизации благотворительности. Петр I запланировал создание единой системы благотворительности под контролем государства и на основании российского законодательства, которая была призвана преодолеть несистемный и неорганизованный характер благотворительной деятельности в предшествующий период. Следовательно, можно говорить о том, что петровские реформы способствовали резкому усилению значения государственной благотворительности по сравнению с церковной и общественной (гражданской).

Важной вехой с точки зрения развития благотворительности в дореволюционной России стало создание в 1814 г. Императорского человеколюбивого общества, учрежденного по инициативе Александра I. Примечательно, что сотрудники общества были приравнены к государственным служащим, что отчасти отражает присущий Российской империи со времен Петра I этатизм в сфере благотворительности. Другим значимым этапом в становлении российской филантропии явилось создание учреждений благотворительного характера под покровительством супруги Павла I императрицы Марии Федоровны. Они начинают свою историю с 2 мая 1797 г., когда императрица приняла в свое ведение московский и петербургский воспитательные дома. В 1854 г. эти благотворительные структуры были реорганизованы в Ведомство учреждений императрицы Марии, которое имело статус государственного учреждения, что также иллюстрирует доминирующую роль государственной благотворительности в послепетровской России. Стимул институционализации общественной (гражданской) благотворительности был дан в 1860-е гг., когда земская и городская реформы Александра II способствовали развитию благотворительности на уровне земств и органов городского самоуправления. Однако данный процесс естественной эволюции гражданской благотворительности был прерван революцией 1917 г.

Отдельные этапы развития русской благотворительности находят свои аналоги в благотворительных традициях европейских стран: послепетровская Россия с ее ярко выраженными государственноцентричными тенденциями в сфере благотворительной деятельности имеет сходство с этатистской филантропической традицией Франции, тогда как допетровский период, характеризовавшийся «симфонией» государственного и церковного начал в области благотворительности, имеет точки пересечения с итальянской традицией филантропии, где также исторически сильно влияние церкви. Прямой же противоположностью русской «ветви» благотворительности представляются США.

Именно в Соединенных Штатах Америки частная благотворительность по праву занимает место одной из самых важных и неотъемлемых частей общественной культуры. Исследователи отмечают стойкую приверженность американцев историческим и культурным традициям благотворительности (Шадский, 2011, с. 282). Вследствие этой приверженности вплоть до 30-х гг. XX в. американская модель социальной защиты опиралась на существование большого количества благотворительных фондов. Лишь с 1935 г. можно говорить о начале формирования в США государственной системы социального обеспечения (Социально-трудовые отношения..., 2016, с. 58). Сходство американской «ветви» с русской можно проследить только в том, что, как и в России, активная благотворительная деятельность разворачивалась вокруг церковных приходов, хотя в США она носила децентрализованный характер.

Главной отличительной чертой истории развития благотворительной деятельности на Западе является непрерывность традиции благотворительности на протяжении нескольких столетий. В то же время для России в силу особенностей ее исторического опыта в XX в., обусловленного Октябрьской революцией 1917 г., характерен разрыв преемственности. Исследователи указывают на отсутствие благотворительных организаций на протяжении практически всего советского периода российской истории (Белокурова, 2000, с. 3). Вследствие этого разрыва развитие благотворительности в конце минувшего столетия пришлось начинать практически с нуля. Исключение здесь составила Русская православная церковь, сумевшая сберечь свой благотворительный потенциал, несмотря на годы гонений.

Кризис индустриального общества, начало которому было положено структурными (неолиберальными) реформами конца 1970-х гг. в Великобритании и США, закономерно повлек за собой и кризис государства всеобщего благоденствия как института, являющегося важным компонентом парадигмы классического индустриализма.

В условиях кризиса социального государства ответственность за социальную сферу все больше перекадывается на плечи гражданского общества. Тенденция к усилению гражданского общества проявляется в развитии так называемого «третьего сектора», важной частью которого являются в том числе благотворительные организации и социально ориентированные НКО (некоммерческие организации). Рост значения благотворительности в современном мире несет в себе как возможности, так и определенные риски.

Филантропия неоднородна как с точки зрения субъектов благотворительной деятельности, так и с точки зрения ее объектов. С точки зрения субъекта можно сослаться на нуждающуюся в существенной доработке классическую типологию, которая позволяет классифицировать имеющиеся виды филантропии, выделив два основных типа благотворительности: гражданскую и корпоративную. В первом случае субъектом благотворительной деятельности выступает гражданское общество в лице «третьего сектора», тогда как во втором – крупные компании (корпорации), представляющие «второй сектор». Осуществляемая на добровольной основе корпоративная благотворительность относится к социально ориентированной деятельности бизнеса, которая нашла отражение в существовании двух взаимосвязанных, но не тождественных друг другу концептов – корпоративного гражданства (КГ) и корпоративной социальной ответственности (КСО). Можно утверждать, что корпоративная социальная ответственность и корпоративное гражданство представляют собой единое целое: КГ в качестве стратегии взаимодействия корпорации с социальными институтами является надстройкой над КСО как материальным базисом, совокупностью механизмов реализации стратегии КГ (Перегудов, Семененко, 2008, с. 8).

Вопрос об оптимальном соотношении гражданской и корпоративной благотворительности достаточно сложен и не имеет однозначного решения. По этой причине существующая двухчастная классификация представляется нам явно недостаточной и нуждающейся в существенном дополнении. Чтобы выйти за рамки ограниченного дуализма гражданской и корпоративной благотворительности, нужно предложить такую схему, которая бы включала в себя как минимум три элемента. По этой причине имеет смысл обратиться к трехчастной типологии русского философа А. С. Панарина, выделявшего три института социально-экономической сферы: государство, гражданское общество и церковь. Как отмечает один из исследователей панаринского творчества, «что касается внутренней структуры российской государственности, то нас убеждает позиция А. С. Панарина в необходимости умелого сочетания трех компонентов: государства, гражданского общества и церкви» (Харин, 2013, с. 190). Уточним лишь, что к этим трем компонентам следует добавить четвертый – корпоративный сектор. Добавление к панаринской триаде еще одного элемента – «второго сектора» частных корпораций – позволяет нам вычленил уже не два, а четыре укорененных в истории типа благотворительной деятельности: гражданскую, корпоративную, государственную и церковную. Вычленение четырех «идеальных типов» благотворительности в рамках предложенной нами новой классификации делает более объемным и многомерным понимание процессов развития благотворительной деятельности. Дальнейшая задача заключается в том, чтобы выделить те страны и регионы, в которых доминирующее положение получил тот или иной из этих четырех идеальных типов. Модель, где доминирует гражданская благотворительность, можно обозначать с помощью концепта «благотворительный солидаризм», поскольку ключевым благоприятствующим фактором этой модели является социальная и общественная солидарность. Аналогичным образом для обозначения доминирования корпоративной благотворительности введем понятие «благотворительный корпоративизм», для государственной благотворительности – «благотворительный этатизм», для церковной – «благотворительный клерикализм».

Для обеспечения социальной стабильности необходимо создать такое «умное сочетание» всех компонентов в рамках изложенной четырехчастной классификации, которое бы с наибольшей эффективностью компенсировало новые и старые социальные риски, связанные с коммерциализацией «третьего сектора», подчинением социальной сферы коммерческим интересам крупного финансово-банковского капитала и т.д.

Нельзя не обратить внимание на то, что благотворительные «солидаризм», «корпоративизм», «этатизм» и «клерикализм» взаимно дополняют друг друга, поскольку социальная ответственность бизнеса невозможна без социальной ответственности самого гражданского общества, а они, в свою очередь, требуют социального государства и социально ответственной церкви, которая как социальный институт рассматривает благотворительность в качестве своей приоритетной цели. Неслучайно в «Основах социальной концепции Русской православной церкви» (2008) подчеркивается, что «члены Церкви соприкасаются со Христом, понесшим все грехи и страдания мира, встречая каждого голодного, бездомного, больного, заключенного. Помощь страждущим есть в полном смысле помощь Самому Христу, и с исполнением этой заповеди связана вечная судьба всякого человека».

В контексте современных тенденций глобальной социальной трансформации представляется целесообразным рассмотреть процесс институционализации гражданской благотворительности – «благотворительно-го солидаризма» – как наиболее актуальный, отражающий движение от политики социального государства к новым принципам участия всего общества в социальной политике. С точки зрения этих принципов участия всего общества благотворительность может пониматься как постиндустриальная «страховочная сетка», служащая неким дополнением государственной системы социальной помощи. Можно увидеть прямую связь между, с одной стороны, сокращением государственных социальных расходов и ростом и развитием благотворительных организаций, с другой стороны.

В условиях перехода от индустриального общества к постиндустриальному (информационному), важнейшим проявлением которого является кризис государства всеобщего благоденствия, происходит размывание основ государственной социальной политики. Инструментом перехода от социального государства (wellfare state) с присущей ему государственной социальной политикой (регулирование рынка труда, пенсионная система, образование, здравоохранение, социальное страхование как инструмент реализации социальной политики) к workfare state, которое у нас переводят как «государство благосостояния для работающих», являются рыночно ориентированные реформы социальной сферы.

Появившееся в результате структурного реформирования социального государства workfare state уже не может полноценно исполнять социальные обязательства перед населением, все больше перекадывая их на гражданское общество. Таковы последствия постиндустриального перехода для социальной сферы. Если для классического социального государства экономическим базисом служило индустриальное производство, то государство благосостояния для работающих, в свою очередь, является надстройкой над постиндустриальной экономикой. В научном дискурсе такими исследователями, как Дж. Боноли (2009), выделяются два типа социальной политики: индустриальная и постиндустриальная. В данном контексте благотворительность имеет смысл рассматривать как институт постиндустриальной социальной политики, дополняющий, а где-то и заменяющий такой институт индустриального общества, как социальное государство, которое теперь находится в кризисе в связи с достижением социальных «пределов роста», «потолка» социальных расходов.

С учетом понимания нелиберальных реформ в качестве инструмента перехода от государства всеобщего благоденствия к «государству благосостояния для работающих» они могут быть проинтерпретированы как основные вехи трансформации социального государства и социальной политики в условиях постиндустриального перехода. В рамках рыночных реформ можно условно выделить, с одной стороны, социокультурное измерение, позволяющее разделить культуры в зависимости от критерия большей или меньшей благоприятности для нелиберального реформирования, выделив более социально ориентированные культуры и более рыночно ориентированные: 1) англосаксонский тип – наиболее благоприятный для нелиберальных реформ, ему соответствуют максимальная рыночная культурная ориентация и минимальная социальная; 2) континентально-европейский (смешанный) тип – социально-рыночный, ему соответствуют как сильная рыночная ориентация культуры, так и сильная социальная; 3) евразийский (полупериферийный, согласно терминологии мир-системного анализа И. Валлерстайна (2001)), тип, в рамках которого сильна социальная культурная ориентация и слаба рыночная; 4) периферийный тип, также характеризующийся присутствием в культуре сильного социального идеала и слабостью рыночной ориентации, но объединяющий как государства Восточной, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, так и все еще находящиеся в процессе индустриализации регионы (Африка). С другой стороны, существует институциональное измерение структурных реформ – своего рода «надстройка» над социокультурным «базисом», когда реформированию подвергаются сами институты социальной политики. Институциональное содержание структурных реформ проявляется в том числе в процессах институционализации гражданской благотворительности, которая в соответствии с постиндустриальными принципами участия всего общества в социальной политике отражает процесс перекадывания ответственности за социальную сферу с плеч индустриального государства благосостояния на плечи гражданского общества. Доказательством тезиса о связи процесса институционализации гражданской благотворительности с нелиберальными реформами служит тот факт, что оба этих процесса можно рассматривать как реакцию на кризис государственно-монополистического капитализма середины 1970-х гг. Не случаен тот факт, что активное развитие «третьего сектора» в Европе и США началось в тот же период 70-х – 80-х гг., когда в странах Запада был дан старт рыночным реформам после прихода к власти правительств М. Тэтчер и Р. Рейгана.

В 1976 г., когда в Европе и США был в самом разгаре экономический кризис середины 1970-х гг., давший толчок кризису социального государства, социолог и теоретик постиндустриализма Д. Белл (2004) сделал прогноз о превращении «третьего сектора» в преобладающий сектор общества. Обратной стороной сокращения социальных расходов государства явился процесс «филантропизации» социальной политики, который стал своеобразным паллиативным средством, смягчившим удар по неимущим слоям населения. Институционализация гражданской благотворительности имела своей целью превращение «третьего сектора» в негосударственный социальный институт новой социальной политики.

На современном этапе развития благотворительная деятельность во многих странах мира получила официальный статус общественно полезной и приоритетной для государства и рассматривается как важный ресурс развития, противодействия социальной напряженности и устранения различных форм дискриминации. Благотворительная деятельность имеет высокий потенциал противодействия социальному исключению (эксклюзии) – резкому снижению уровня социальной «включенности» лиц старшего возраста, мигрантов и беженцев, лиц с особыми потребностями и т.д.

Государство, как правило, не только координирует благотворительную деятельность, но и оказывает ее участникам организационную и финансовую поддержку, направляя благотворительную деятельность в русло решения приоритетных задач развития страны. Благотворительность часто осуществляется организациями «третьего сектора», выступающими источником социальных инноваций, которым в последнее время уделяется особое внимание и в управленческой практике, и в научной литературе как перспективным практикам развития (People-Centered Social Innovation..., 2020); взаимодействие «третьего сектора» с остальными содействует «переливу» таких инноваций в другие сферы.

Однако подобная партнерская модель далеко не всегда достижима на практике; зачастую складывается, напротив, конфликтная модель взаимодействия, при которой государство воспринимает определенный круг филантропических практик как угрозу для своей социальной политики. В таком случае данные практики образуют «теневой третий сектор», и диффузии нарабатываемых в его рамках социальных инноваций в другие сферы не происходит, что снижает их способность к адаптации к вызовам развития.

Современный этап развития характеризуется значительным ростом социальных размежеваний и социального неравенства по всему миру, что наряду с кризисом государства всеобщего благоденствия формирует повышенный спрос на корпус благотворительных практик: «Однако и государства, финансирующие социальную политику из бюджета, также могут сталкиваться с сокращением возможностей ее реализации в прежних объемах, что будет вынуждать их к продолжению жестких структурных реформ и приватизации социальной сферы даже в наиболее развитых социальных государствах. Это может привести в том числе к расслоению населения с точки зрения доступа к общественным благам, становящимся услугами, и сегментации прежде эгалитарного общества. В развитых странах будет “сокращаться” социальное государство, служившее образцом для всего остального мира и опиравшееся на эгалитарный подход к распределению не только доходов, но и основных социальных благ среди граждан» (Мир 2035..., 2017, с. 207).

Поэтому в соответствии с компенсаторной логикой стоит ожидать дальнейшего развития филантропической социальной ответственности со стороны бизнес-сообщества, нашедшей воплощение в деятельности благотворительных фондов, корпораций, малого и среднего бизнеса.

Следует отметить, что из идей корпоративной социальной ответственности, в том числе и филантропической, а также социального развития в целом вырастает концепция ответственного развития. Важную роль в деле осмысления ответственного развития следует отводить социальной философии, обладающей значительным интегративным потенциалом. По аналогии с понятием Политического (Das Politische) по К. Шмитту (2016) можно говорить о понятии Социального. Если понятие Политического базируется на разделении на друзей и врагов, то понятие Социального основывается на принципе солидарности, солидаризма, что требует наличия в обществе ответственности и доверия, росту которых способствует в том числе и благотворительность. То есть понятие Социального подразумевает большую интегративность, оно связано с консолидацией и солидаризацией социума. Таким образом, путь от разделенных обществ к обществам интегральным и солидарным лежит на пути наращивания социальности, подразумевающей интенсификацию и максимизацию социальной солидарности, социальной интеграции, а благотворительная деятельность в такой перспективе представляется важной составляющей ответственного развития.

Принимая во внимание происходящую социальную трансформацию, сторонники нелиберальных реформ рассматривают благотворительную деятельность как способ дополнить слабеющее социальное государство, государственную социальную политику в условиях кризиса индустриального общества и перехода к постиндустриализму. Они указывают на то, что к возможностям филантропии следует отнести ее компенсаторную функцию, то есть потенциальную способность филантропии дополнять социальное государство и государственную социальную политику, заполняя собой те лакуны, которые образовались в связи с уходом государства всеобщего благоденствия, переложившим социальную ответственность на гражданское общество. Потенциал благотворительности связан с надеждами на то, что вакуум, образовавшийся в связи с сокращением государства благосостояния, будет постепенно заполнен обществом благосостояния.

Проект развития благотворительности предполагает, что благотворительные организации «третьего сектора» выступают в роли нового гаранта социальной стабильности, взяв на аутсорсинг социальные функции государства всеобщего благоденствия. Вместе с тем речь не может идти о полной замене национальных систем социальной защиты на институт благотворительности.

Однако подобный подход к благотворительной социальной политике чреват значительными рисками. К рискам благотворительности на современном этапе развития в России, равно как и на Западе, следует отнести в первую очередь ослабление финансово-экономической базы вследствие размывания среднего класса как одного из главных спонсоров благотворительной деятельности. Гражданская благотворительность не может быть альтернативой государственной системе социальной защиты, поскольку бедный средний класс не обладает достаточными средствами для обеспечения полноценной «филантропизации» социальной политики. Как подчеркивает автор концепции «конца истории» Ф. Фукуяма (2012) в статье «Будущее истории», «нынешняя форма глобализованного капитализма разрушает социальную базу среднего класса, на котором держится либеральная демократия». На смену исчезающему среднему классу приходит класс прекариата (Стэндинг, 2014).

Исследователи отмечают, что последствия сокращения экономических ресурсов ощущают на себе уже не только бедные слои населения, но и значительная часть среднего класса (Садовая, Сауткина, 2015). Дело в том, что без сильного среднего класса гражданское общество неспособно в полной мере принять на себя

ту ответственность за социальную сферу, которую сняло с себя государство. В этих условиях благотворительная социальная политика превращается в утопию. Кроме того, применительно к российской филантропии следует указать на низкий уровень ее институционализации, что влечет за собой несистемность, неорганизованность и недостаточность оказываемой поддержки с точки зрения социального обеспечения бедного населения.

Наконец, когда речь заходит о благотворительности в международном масштабе, где она перерастает национальные рамки и становится транснациональной (глобальной), то, по мнению некоторых авторов, таких как Эрик Райнерт (2017), благотворительная социальная политика может способствовать благотворительному колониализму: если истинная социальная политика должна создавать условия для развития, то рост объемов финансовой помощи в рамках международной благотворительности может привести к созданию резерваций для бедных.

### Заключение

Итак, в контексте рассмотрения вопроса о благотворительности рыночные реформы как инструмент перехода от индустриального общества к постиндустриальному можно представить в качестве двуединого диалектического процесса. С одной стороны, эти реформы подразумевают коммерциализацию и приватизацию социальной сферы, несущие с собой значительное усиление частного сектора («второго сектора»). С другой стороны, они же стремятся компенсировать находящееся в кризисе социальное государство посредством институционализации гражданской благотворительности и «филантропизации» социальной политики, которая подразумевает укрепление «третьего сектора» гражданского общества. Главный вопрос заключается в том, сможет ли «третий сектор» в лице благотворительных и социально ориентированных НКО взять на себя прежние функции государственного сектора («первого сектора»), превратившись в фундаментальный инструмент решения социальных проблем бедности и неравенства, или же он так и останется паллиативным средством, способным лишь частично компенсировать находящееся в упадке социальное государство. На наш взгляд, в одиночку точно не сможет. Устойчивое развитие благотворительности возможно лишь при «умном сочетании» всех четырех видов благотворительности, рассмотренных в рамках предложенной четырехчастной классификации – не только гражданской, но и корпоративной, государственной, а также церковной.

Иными словами, необходим дальнейший поиск модели, которая бы успешно соединяла лучшие черты других типов в рамках четырехосновной типологии – «благотворительного солидаризма», «благотворительного корпоративизма», «благотворительного этатизма», а также «благотворительного клерикализма». В противном случае усиление роли одной лишь только гражданской благотворительности или же гражданской вместе с корпоративной на современном этапе неспособно восполнить острый недостаток социальной стабильности в современном мире.

### Источники | References

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.
2. Белокурова Е. В. Государство и благотворительные организации: трансформация моделей взаимодействия (на примере Германии и России): автореф. дисс. ... к. полит. н. М., 2000.
3. Боноли Дж. Время имеет значение. Постиндустриализация, новые социальные риски и адаптация государства всеобщего благосостояния в развитых промышленных демократиях // Spero. 2009. № 11.
4. Боргман К., Смит Д. А. Благотворительные учреждения в европейских странах: исторический контекст. 2006. URL: <http://polit.ru/article/2006/11/26/philanthropia/>
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
6. Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А. А. Дынкина; ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. М.: Магистр, 2017.
7. Основы социальной концепции Русской православной церкви. 2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>
8. Перегудов С. П., Семенов И. С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
9. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2017.
10. Садовая Е. С., Сауткина В. А. Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
11. Социально-трудовые отношения: сравнительный анализ западных и российских практик действий на рынке труда / отв. ред. В. В. Комаровский, В. Т. Веденева. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
12. Стэндинг Г. Прекариат - новый опасный класс. М.: Ad Marginem, 2014.
13. Фирсов М. В. Краткий курс истории социальной работы за рубежом и в России. М., 1992.
14. Фомин Э. А., Чикадзе Е. З. Благотворительность как социокультурный феномен в России. СПб., 1999.
15. Фукуяма Ф. Будущее истории. 2012. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-istorii/>
16. Хабермас Ю. Модерн - незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.
17. Харин А. Н. Модели государственного устройства в условиях глобализации: сценарии для России. М.: Наука, 2013.

18. Шадский О. Г. Становление и развитие института частной благотворительности в США // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 1-2 (023-024).
19. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.
20. People-Centered Social Innovation: Global Perspectives on an Emerging Paradigm / ed. by S. Banerjee, S. Carney, L. Hulgard. N. Y.: Routledge, 2020.

#### Информация об авторах | Author information

**RU**

**Сигачев Максим Игоревич**<sup>1</sup>, к. полит. н.  
**Бардин Андрей Леонидович**<sup>2</sup>, к. полит. н.

<sup>1,2</sup> Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук, г. Москва

**EN**

**Sigachev Maksim Igorevich**<sup>1</sup>, PhD  
**Bardin Andrei Leonidovich**<sup>2</sup>, PhD

<sup>1,2</sup> Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow

<sup>1</sup> [maxsig@mail.ru](mailto:maxsig@mail.ru), <sup>2</sup> [andreybardin@gmail.com](mailto:andreybardin@gmail.com)

#### Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

**Ключевые слова (keywords):** гражданская благотворительность; корпоративная благотворительность; филантропия; социальные размежевания; гражданское общество; civic charity; corporate charity; philanthropy; social divisions; civic society.